

Когда император призвал к себе Хан Сиэня, он полагал, что тот наконец распутал дело о настоящем и фальшивом Втором принце или докопался до правды о его собственном внебрачном сыне.

В глубине души пожилой владыка пребывал в крайнем смятении. На склоне лет собственные сыновья устроили такой балаган, втянув в него еще одного принца и молодого придворного, к которому государь питал немалую благосклонность. Определиться со своим отношением к этой нелепице императору было непросто.

Ему одновременно и хотелось докопаться до истины, и было боязно. Он смутно предчувствовал: стоит сорвать покровы тайны, и последствия окажутся непоправимыми. И все же державный долг взял верх над малодушием. Кем бы ни оказался его отпрыск, правитель обязан знать правду. Поэтому, едва Хан Сиэнь затребовал аудиенцию, его немедленно впустили.

Войдя в личные покои, Хан Сиэнь учтиво поклонился. Тот факт, что подле государя сегодня прислуживала Ань Ци, а не привычный евнух Юань Бао, слегка его озадачил, однако лицо юноши осталось бесстрастным, точно высеченным из камня.

Сама же Ань Ци, стоявшая доселе безмолвной тенью, при виде гостя едва заметно оживилась. В ее обычно холодном, непроницаемом взгляде промелькнуло мимолетное любопытство. Эта секундная слабость на ее вечно безучастном лице вспыхнула подобно яркому лучу, не укрывшись от наметанного глаза Хан Сиэня.

Заметив секундное замешательство служанки, император недовольно нахмурился и с легким раздражением воззрился на Хан Сиэня.

— Ну? — глухо спросил он. — Разобрался в этом деле?

О том, что Хан Сиэнь перевернул вверх дном поместья Цзи Жуна и Цзи Ло, государю доложили незамедлительно. По сообщениям Гао Фэна, обыски не выявили за принцами тяжких грехов — так, мелкие прегрешения, в остальном же их дела вели себя вполне пристойно. Тем любопытнее правителю было узнать, за какую ниточку ухватился его цепной пес.

Хан Сиэнь внутренне усмехнулся под тяжелым государевым взглядом. Себя он почитал стороной сугубо безвинной: девица Ань Ци явно плясала под дудку вдовствующей императрицы и искала любой повод усложнить ему жизнь. Жаль только, владыка Поднебесной не владел чтением мыслей и не замечал коварных интриг, что плелись под самым его носом.

«Впрочем, я зла на старуху не держу, — цинично рассудил Хан Сиэнь. — После сегодняшнего дня мы с ней заклятые враги, тут уж без обиняков. Пусть строит козни, коли желает отвлечь внимание двора. Любой ее выпад приму с превеликим удовольствием».

Оставив при себе эти дерзкие размышления, юноша склонил голову и заговорил с безупречным почтением:

— Ваше Величество, выполняя высочайшее повеление, покорный слуга расследовал распрю между Вторым принцем, Третьим принцем и молодым господином Баем. Однако в ходе дознания мне открылись обстоятельства куда более грозные — обнаружился след, ведущий к тайному золотому руднику в Цзяннани.

При упоминании цзяннаньских рудников вся праздная спесь мигом слетела с лица императора. Позабыв и о Цзи Жуне, и о Цзи Ло, он подался вперед, напрягшись всем телом, и грозно спросил:

— Что тебе удалось разузнать?

Хан Сиэнь скользнул мимолетным взглядом по застывшей с опущенной головой Ань Ци, всем видом выказывая недоверие к ее присутствию, но скрывать сведения не стал:

— Докладываю Вашему Величеству. Все последнее время мои люди вели скрытое наблюдение за столичными игорными домами, отслеживая любые подозрительные потоки золота. Не так давно, собирая сведения о семействе Бай, я получил зацепку. Один безродный простолюдин расплатился в притоне золотым слитком. Потянув за эту ниточку, мы выяснили, что драгоценный металл, сменив несколько рук, изначально принадлежал побочному сыну из клана Ши.

— Клан Ши? — переспросил ошеломленный император.

В его памяти мгновенно ожили события годичной давности, когда имя Хан Сиэня впервые прогремело на всю столицу. Тогда юноша разорил усадьбу министра чинов Ли Чжуна, обнаружив в закромах этого мнимого бессребреника баснословные миллионы и несколько уцелевших писем. В тех туманных посланиях сквозили недвусмысленные намеки на одного из высокородных принцев.

А сын покойного министра, Ли Юй, как раз был женат на Ши Жуй, девице из того самого клана Ши. Позже всё семейство Ли, включая невестку, по его указу отправили в изгнание на каторжные рубежи.

В то время император подозревал клан Ши в преступном сговоре с министром Ли ради возведения на трон своего ставленника. Однако родичи по материнской линии вели себя безупречно открыто. Тайная канцелярия долго копала под них, но вызнала лишь то, что из-за привязанности к Ши Жуй старейшины клана пару раз покрывали прегрешения ее непутёвого мужа. Никаких иных нитей, связывающих две семьи с престолонаследием, тогда не обнаружили.

Получив эти доклады, государь хоть и не растерял подозрений окончательно, все же решил

временно оставить родичей в покое.

И вот теперь известие об участии клана Ши в хищении золота из казны громом поразило правителя.

Семья Ли, клан Ши, таинственная переписка, заговорщики-принцы и золотые рудники... По отдельности эти звенья казались разрозненными, но собранные воедино, они складывались в чудовищную картину измены, от которой веяло леденящим кровь ужасом.

Его ищейки не уловили ни единого шороха в их сношениях. Но что, если заговорщиков оберегала длань куда более могущественная, способная скрыть любое преступление? При этой мысли император невольно вспомнил собственную мать — вдовствующую императрицу, которая когда-то единолично вершила судьбы Поднебесной.

В детстве он трепетал перед ней. Став полноправным владыкой, он быстро ощутил, как материнская опека связывает его по рукам и ногам. Когда же рядом появился Ван Ин, жажда абсолютной власти окончательно превозмогла детские страхи, и молодой монарх начал планомерно лишать родительницу влияния.

Если бы вдова-императрица тогда благоразумно не отступила, добровольно отдав бразды правления, их противостояние наверняка закончилось бы крахом династии на потеху многочисленным врагам престола.

Судя по нынешним делам клана Ши, старая госпожа по-прежнему вела свою игру, оставаясь главным кукловодом за кулисами дворца.

Следом за матерью император вспомнил и о Благородной супруге Ши. Выходица из того же мятежного клана, она была лично введена во дворец его царственной матушкой. Замысел старой вдовы виделся насквозь: она желала, чтобы в жилах будущего правителя текла кровь ее рода, дабы закрепить вечное величие клана Ши.

Но император воспротивился этой воле. В те годы он грезил лишь о том, чтобы трон унаследовал плод его любви с Ван Ином. Держать в узде непомерную гордыню клана Ши, опиравшегося на всевластную тогда императрицу, сделалось его первостепенной задачей.

Именно поэтому Благородная супруга Ши за столько лет так и не разродилась дитятей. В конце концов она осознала волю государя и оставила бесплодные надежды — вплоть до появления на свет Цзи Жуна.

Когда мать новорожденного принца скончалась от родильной горячки, госпожа Ши вымолила позволение взять мальчика на воспитание. Из-за затянувшихся родов младенец едва дышал, и лекари чудом вырвали его из лап смерти.

Тогда Благородная супруга на коленях умоляла императора отдать ей сироту, со слезами сокрушаясь о собственном бесплодии и обещая заменить ему родную мать.

Император тогда проявил минутную слабость, да и властная родительница впервые в жизни смиренно просила за невестку. Так новорожденный Цзи Жун оказался на попечении госпожи Ши. К вящему облегчению государя, воспитанник рос болезненным и хилым, с малых лет находя утешение лишь в каллиграфии и поэзии. К престолу он рвения не выказывал, чем снискал искреннее милосердие отца.

Разумеется, правитель не был слепцом и допускал, что Благородная супруга преследует корыстные цели. Он тайно приглядывал за ней, требуя от придворных врачей подробнейших отчетов о недугах сына. Сии свитки по сей день исправно ложились на его рабочий стол в начале каждого месяца.

Хрупкое здоровье Второго принца не вызывало сомнений. Но что, если за этой немощью крылся хитроумный расчет?

Чем дольше государь распутывал этот клубок, тем тревожнее становилось у него на душе. В свое время Ши Лэй спас ему жизнь, и император чувствовал себя вечным должником материнского рода. Даже отдалившись от вдовствующей императрицы, он неизменно благоволил ее родине. К тому же клан Ши вел себя осмотрительно, не ввязываясь в столичные распри и держался в тени. Не находя за ними явных провинностей, правитель попросту перестал брать их в расчет.

Ныне же открылось иное: для этих вельмож державный племянник не стоил и ломаного гроша по сравнению с его августейшей матерью.

Император шумно выдохнул сквозь зубы и, потемнев лицом, процедил:

— Хан Сиэнь, дело принимает слишком опасный оборот. Это тебе не прежние ребяческие склоки. Ежели ты возводишь напраслину на верных слуг престола, не имея на руках железных улик, пощады от меня не жди.

— Покорный слуга не посмел бы лгать Вашему Величеству, — спокойно ответил Хан Сиэнь. — Дабы не спугнуть заговорщиков, все причастные к незаконному обороту золота, кроме упомянутого бастарда из рода Ши, уже взяты под стражу. Как я и докладывал ранее, дело о рудниках раскрылось слишком внезапно, у злоумышленников не оставалось времени вывезти добычу, а значит, золото до сих пор спрятано в столице. Более того, наемные убийцы, устроившие резню, напрямую связаны с этим металлом. Кто-то тайно содержит целое войско головорезов на эти средства. Полагаю, Вашему Величеству следует немедленно усилить охрану дворца, призвать гвардию Юйлинь в город для пресечения смуты и взять под стражу всё семейство Ши, дабы избежать утечки сведений.

Разумеется, сам Хан Сиэнь прекрасно сознавал, что в этой жизни дела вдовствующей императрицы шли из рук вон плохо. Недавний разгром его руками коррумпированной

цзяннаньской знати изрядно подорвал ее могущество, а сам золотой прииск прикрыли в самом начале разработки. В отличие от его прошлой жизни, где заговорщики успели вычерпать жилу досуха, теперь у старой госпожи попросту не имелось достаточных запасов, и байка о тайной армии была изрядным преувеличением.

Главное же заключалось в том, что после ареста Цзи Жуна, Цзи Ло и второстепенного отпрыска Бая старая императрица оказалась зажата в тиски. Даже имея она под рукой преданные полки, поднять мятеж без законного повода она бы не осмелилась.

Теперь, когда зерно подозрений дало всходы в разуме императора, надзор за покоями его августейшей матери станет поистине удушающим. Оставалось лишь отсечь ее преданную ищейку — клан Ши, — и заговор будет окончательно обезглавлен.

Но делиться столь глубокими соображениями с владыкой не следовало. Пугало в виде грозной армии мятежников подходило куда лучше. Монарх мог простить многое, но существование под боком чужого карательного отряда, покушающегося на драконий трон, терпеть бы не стал.

Слова юноши возымели должное действие. Император побагровел от гнева. С тихим рыком он швырнул на стол тяжелый нефритовый жетон с печатью и процедил сквозь зубы:

— Твоя правда. Посыгательство на недра империи карается смертью. Раз тень пала на клан Ши, запри их в собственном поместье и не выпускай ни единой души.

Отдавать приказ о немедленной отправке всей знатной родни в казематы император все же побоялся. Со стороны могло показаться, что государь держит двор в ежовых рукавицах, но в его натуре до сих пор тлела нерешительность былых лет.

В глубине души он все понимал, однако без неопровержимых улик не решался на открытую расправу. Слишком уж пекся владыка о посмертной славе в летописях, желая остаться в памяти потомков мудрым и справедливым правителем, а не кровожадным тираном.

И все же на склоне лет ему отчаянно хотелось покончить с внутренними врагами. Появление Хан Сиэня пришлось как нельзя кстати. Беспощадный, дышащий яростью, презирающий саму смерть юноша, рассорившийся со всем своим родом, стал идеальным оружием в руках императора — карающим клинком, которого государь мог не опасаться.

Хан Сиэнь не питал иллюзий насчет твердости государева духа, а потому и разочарован не был. Приняв высочайшее повеление, он откланялся.

Император устало махнул рукой, отпуская его. Развернувшись, юноша зашагал прочь из тронного зала. Покидая дворцовые чертоги, Хан Сиэнь поймал себя на мысли, что величайшей удачей в жизни этого увядающего правителя стала встреча с ним — человеком, который вопреки всему выжил и вернулся с того света.

Не случись этого, кто знает, в чьи грязные руки угодил бы престол Великой Чжоу после кончины нынешнего императора.

Предъявив императорский жетон, Хан Сиэнь спешно мобилизовал отряд столичной гвардии и плотным кольцом окружил усадьбу клана Ши. На сей раз он не стал чинить личного расправного суда и глумиться над поверженными врагами; перепоручив надзор офицерам гвардии, юноша поспешил обратно в герцогское поместье, дабы поделиться добрыми вестями со своими невольными заложниками.

Едва Хан Сиэнь ступил на порог родного дома, даже не успев сменить дорожное платье перед визитом к узникам, навстречу ему выбежал Гао Фэн с самым кислым выражением на лице. Тот замялся и поспешил доложить, что стоило хозяину уехать во дворец, как Второй принц, Третий принц и молодой господин Бай вдрызг разругались из-за какой-то паршивой паровой пампушки и устроили неистовую потасовку.

— Есть раненые? — безучастно поинтересовался Хан Сиэнь.

Гао Фэн жалобно вздохнул:

— Да все хороши... Каждому лицо разукрасили.

Гвардеец никак не ожидал, что утонченный и хрупкий Второй принц, получив пинок под зад, мгновенно забудет о великосветском приличии и начнет яростно таскать соперников за волосы.

— Лекаря к ним вызывал? — так же спокойно спросил Хан Сиэнь.

Этим троим давно было тесно в четырех стенах, и злоба душила их с каждым днем все сильнее. Хан Сиэнь полагал, что они вцепятся друг другу в глотки еще в первые сутки заключения, и то, что они продержались до сегодняшнего дня, граничило с чудом.

После таких новостей желание навещать драчунов окончательно пропало. Отослав Гао Фэна прочь, Хан Сиэнь направился в свои покои, надеясь урвать час-другой для отдыха.

Стоило ему прилечь и смежить веки, как по комнате пронесся ледяной сквозняк. Распахнув глаза, Хан Сиэнь обнаружил у окна безмолвную фигуру Бай Шу.